

Л.Г. Раменский: типология и инвентаризация природных кормовых угодий СССР в 1930-е годы

В.Б. Голуб

Институт экологии Волжского бассейна РАН,
Тольятти, Россия; vbgolub2000@mail.ru

В 1932–1935 гг. под руководством Л.Г. Раменского была проведена инвентаризация природных кормовых угодий СССР, целями которой являлись количественный учет и типологическая характеристика естественных сенокосов и пастбищ. Проект её осуществления не был обеспечен достаточным финансированием, а период проведения совпал с голодом, охватившим обширные районы страны. Отсутствовало также необходимое количество специалистов для реализации проекта. Поэтому он основывался преимущественно на сведениях, почерпнутых из литературных источников и старых отчётов различных организаций. Результаты инвентаризации не удовлетворяли Л.Г. Раменского. Не были они также в должной мере использованы хозяйственными и плановыми органами, поскольку при катастрофическом сокращении поголовья скота, произошедшего в период коллективизации и голода, на естественных сенокосах и пастбищах существовал значительный избыток кормов, который не лимитировал развитие животноводства. Но этот проект стимулировал Л.Г. Раменского на разработку нескольких теоретических положений, важнейшим из которых была концепция агротипологии. Однако в советский период типология сельскохозяйственных земель остановилась, в основном, лишь на опытах её приложения к природным кормовым угодьям. Одним из факторов, задержавших её распространение на другие типы угодий, явилось централизованное и директивное управление структурой землепользования.

Ключевые слова: Л.Г. Раменский, В.Л. Комаров, В.Р. Вильямс, Институт кормов, 1930-е гг., Наркомзем.

В год своего столетия австралийский эколог Дэвид Гудолл (Goodall, 2014) назвал в числе немногих личностей, оказавших за прожитый им век наибольшее влияние на него и на развитие фитоценологии, имя Л.Г. Раменского (1884–1953). Этот российский учёный особенно известен своим вкладом в прогресс геоботаники. Однако Л.Г. Раменский вел исследования не только в этой области, но и в почвоведении, геоморфологии, кормопроизводстве. Последнее направление деятельности Л.Г. Раменского обязано его многолетней работе во Всесоюзном научно-исследовательском институте кормов им. В.Р. Вильямса (ВНИИ кормов)¹, где он должен был заниматься прикладными проблемами, связанными с сельским хозяйством.

Нелишне заметить, что целый ряд теоретических разработок Л.Г. Раменского при его жизни не были в должной мере восприняты соотечественниками. И только когда его идеи «переоткрывались» за рубежом, происходило их признание на родине. Поразительно, что этот процесс продолжается вплоть до нынешних дней. Б.М. Миркин

¹ В период работы Л.Г. Раменского в этом институте его название несколько раз менялось: в 1922–1929 гг. — Государственный луговой институт, в 1929 г. — Институт луговой и болотной культуры, в 1930 г. — Институт лугов и пастбищ, в 1930–1937 гг. — Всесоюзный институт кормов, в 1937–1992 гг. — Всесоюзный научно-исследовательский институт кормов (в 1939 г. присвоено имя В.Р. Вильямса, основателя института), с 1992 г. по настоящее время — Всероссийский научно-исследовательский институт кормов (Косолапов, Трофимов, 2014).

и Л.Г. Наумова (2015), перечитывая старые работы Л.Г. Раменского, обнаружили у него краткое изложение нескольких понятий, которые с недавних пор, благодаря зарубежным учёным, стали популярными моделями, объясняющими организацию растительных сообществ и их динамику.

Автор данной статьи «сблизился» с Л.Г. Раменским в 1970 г., когда поступил в аспирантуру ВНИИ кормов в отдел геоботанического и культуртехнического обследования кормовых угодий. Это подразделение, несколько раз менявшее своё название и статус, с 1928 до 1953 г. возглавлял Л.Г. Раменский. В начале 1970-х гг. многие сотрудники отдела ещё хорошо его помнили. Два общежития, в которые вселялся автор, оказались домами, где когда-то проживал знаменитый учёный, а, работая над диссертацией, для оценки динамики растительности долины Нижней Волги он использовал материалы, собранные в этом регионе Л.Г. Раменским в 1928 г.

В годы пребывания во ВНИИ кормов выяснилось, что Л.Г. Раменский в 1924–1928 гг. читал лекции на кафедре ботаники Воронежского университета, где автор получил образование. Но когда он там учился, студентам преподаватели этот факт не сообщали, скорее всего, потому, что и сами не знали об этом. Самый плотный контакт с мэтром произошёл, когда автор, уже будучи старшим научным сотрудником ВНИИ кормов, два месяца сидел на стуле, когда-то принадлежавшем Л.Г. Раменскому. Все эти пространственные пересечения жизненного пути Л.Г., хотя и разделённые большим интервалом времени, подтолкнули к тому, чтобы взяться за освещение биографии учёного.

Конечно, основные вехи жизни Л.Г. и в прошлом излагались в некрологах и некоторых других, преимущественно юбилейных публикациях (Аноним, 1953; Работнов, 1953; Флорова-Раменская, 1966; Кутузова, Савченко, 1984; Трофимов, 2000). Но в них не рассматривались историческая обстановка и события личной жизни, которые оказывали значительное влияние на научное творчество Раменского. Вероятно, ранее это действительно невозможно или трудно было сделать, так как для этого необходима была определённая дистанция, отделяющая биографов от времени жизни их героя. Теперь такой интервал существует. И автор попытался с позиций, которые в прошлом ещё не использовали, рассказать о нескольких периодах жизни Л.Г. в серии публикаций, на которые ниже будут сделаны ссылки.

В настоящей статье освещается деятельность Л.Г., связанная с инвентаризацией природных кормовых угодий СССР, на которую он потратил несколько лет в 1930-е гг. Следствием сосредоточения мыслей Л.Г. вокруг этого проекта была проработка некоторых теоретических вопросов, имеющих отношение не только к сельскому хозяйству, но и к фундаментальным наукам.

Кроме литературных источников, для работы над статьей автор использовал документы, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Архиве РАН (АРАН), в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПФ АРАН), Государственном архиве Воронежской области, архиве ВНИИ кормов и музее этого учреждения.

В сентябре 1931 г. Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) СССР постановил провести инвентаризацию естественных кормовых угодий на всей территории страны. Предложил её осуществить ВНИИ кормов. Представитель института

Л.Г. Раменский, занимавший должность заведующего отделом луговедения, на коллегии Наркомзема изложил предварительный план её реализации². Эта инициатива диктовалась переходом экономики Советского Союза на плановую организацию народного хозяйства, где учёт природных ресурсов и их научно-обоснованное использование должны были играть первостепенную роль. Надо сказать, что идеи инвентаризации кормовых угодий высказывались и ранее в выступлениях и докладах директора Института кормов А.М. Дмитриева³ и особенно И.В. Ларина⁴.

Основной целью инвентаризации являлся «количественный учет и производственная типологическая характеристика естественно-кормовых площадей в секторальном разрезе по административным районам».⁵ Под секторами подразумевались землепользователи: совхозы, колхозы, индивидуальные хозяйства и государственный фонд земель. Проект инвентаризации кормовых угодий предусматривал организовать 62 полевые группы и типологические экспедиции, которые обследовали бы всю территорию СССР с последующим составлением карт различного масштаба.

Закончить инвентаризацию предполагалось к 1 февраля 1933 г. Такая спешка мотивировалась подготовкой заданий к планам 2-й пятилетки (1933–1937 гг.)⁶. Кроме того, как сама инициатива инвентаризации, так и её сроки осуществления, вероятно, были сопряжены с состоявшимся в августе 1931 г. пленумом ЦК ВКП(б) и его решениями. На пленуме было принято постановление «О темпах коллективизации и задачах укрепления колхозов»⁷, в котором требовалось завершить коллективизацию в 1932–1933 гг.

При Секторе земфондов Наркомзема СССР создали Центральный штаб, позже переименованный в Центральную комиссию по инвентаризации естественно-кормовых угодий по СССР⁸. Вначале её возглавлял Н.М. Степанов, а со второй половины 1932 г. — М.В. Слувис⁹. Постоянным членом этой комиссии от ВНИИ кормов был Л.Г. Раменский. Ещё до начала 1932 г. на нескольких заседаниях были рассмотрены проект положения об инвентаризации естественных кормовых угодий, сметы расходов, формы учётных ведомостей и другие организационные моменты.

² О выступлении Л.Г. Раменского на коллегии Наркомзема и имевшихся ранее предложениях по инвентаризации природных кормовых угодий сообщают В.Н. Черкасов и И.А. Цаценкин в главе: «Организация и выполнение работ по инвентаризации естественных сенокосных и пастбищных угодий Союза ССР в 1932 г.» (Труды инвентаризации естественных сенокосов и пастбищ Союза 1932–1935 гг. / Под ред. Л.Г. Раменского. Вып. 1. С. 8–30. Рукопись хранится в библиотеке лаборатории геоботаники ВНИИ кормов).

³ Дмитриев Андрей Михайлович (1878–1946) — один из основоположников луговодства в России, первый директор ВНИИ кормов.

⁴ Ларин Иван Васильевич (1889–1972) — видный учёный в области луговодства в СССР.

⁵ Протокол заседания комиссии при секторе земфондов Наркомзема СССР по инвентаризации естественно-кормовых угодий 23 декабря 1931 г. (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 172).

⁶ Общая инструкция к организации работ по инвентаризации естественных луговых и пастбищных угодий Союза ССР (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 121).

⁷ См.: О темпах... 1984.

⁸ Протокол № 10 совещания Комиссии при Секторе Земфондов по инвентаризации естественно-кормовых угодий по СССР при Секторе Земфондов СССР 22 декабря 1931 г. (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 173. Л. 42).

⁹ Слувис Михаил Васильевич — герой Гражданской войны; в 1929–1930-х гг. — начальник Переселенческого управления, заместитель наркома земледелия Казахстана. В 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации расстрелян, реабилитирован в 1956 г. (Лаппо, 1980; <http://www.centrasia.ru/person2.php?st=1123504330>).

Л.Г. Раменский, хотя и имел дело с характеристикой природных кормовых угодий, был склонен к решению теоретических и методологических вопросов. Есть немало свидетельств, что он тяготился прикладными исследованиями, особенно их организацией¹⁰. Поэтому возглавить такой широкомасштабный проект должен был человек, более заинтересованный в решении этой проблемы. Однако в 1931 г. во ВНИИ кормов сложилась такая обстановка, что Л.Г. оказался здесь самым авторитетным специалистом в области изучения естественных сенокосов и пастбищ. Директор института А.М. Дмитриев после ареста в июле 1930 г. и выхода на свободу в 1931 г. не вернулся на прежнее место работы¹¹. Весьма квалифицированные учёные ВНИИ кормов Р.А. Еленевский, А.Я. Бронзов, Д.П. Мещеряков, работавшие ещё до прихода туда Л.Г., не прошли так называемую чистку и были уволены в начале 1931 г.¹² Причём первых двух «вычистили» по первой категории, которая дополнительно предполагала выселение из занимаемых квартир. Уход ведущих сотрудников значительно ослабил кадровый состав института. Очевидно поэтому осенью 1931 г. приказом народного комиссара земледелия Я.А. Яковлева из Омского сельскохозяйственного института во ВНИИ кормов перевели профессора И.В. Ларина¹³. Он имел опыт работы как по части рационального использования природных кормовых угодий, так и в осуществлении их инвентаризации в Сибири и Казахстане. И руководить задуманным проектом, охватывающим всю территорию СССР, вероятно, целесообразно было бы ему. Но из-за бюрократических проволочек и отсутствия жилья переезд И.В. Ларина в Москву, где ему обещали предоставить квартиру, задержался. К исполнению обязанностей во ВНИИ кормов он приступил лишь в июне 1932 г., когда инвентаризацию уже развернули и методическое её обеспечение было возложено на Л.Г. Раменского. Видимо, в Наркомземе решили «не менять коней на переправе», тем более что И.В. Ларин относился скептически к возможности выполнения ряда пунктов программы, которая была уже согласована между Наркомземом и ВНИИ кормов.

С целью обсуждения и уточнения программы работ 3–6 января 1932 г. было созвано Всесоюзное совещание¹⁴. Кроме Л.Г. Раменского на нём присутствовали ботаники и фитоценологи: Р.И. Аболин, П.П. Бегучев, М.П. Городков, Г.И. Дохман,

¹⁰ Тому подтверждение, например, отрывок из его служебной записки, направленной 22 января 1931 г. директору ВНИИ кормов: «Если Институт хочет использовать меня в полной мере, в первую очередь как методолога, научного руководителя, то я принимаю соответствующее поручение, вкладывая весь свой опыт и силу мысли в дело должной организации “луговодческих” работ И[нститута] К[ормов]. При этом я должен быть использован как специалист и мыслитель, но не как непосредственный организатор — администратор, на что у меня не хватит сил и к чему нет склонности» (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 157. Л. 45–46).

¹¹ О том, что А.М. Дмитриев был репрессирован в 1930 г., не указывается ни в одной из посвящённых ему публикаций. Об этом имеются только сведения в рукописных воспоминаниях Н.С. Конюшкова, хранящихся в архиве музея ВНИИ кормов. Добавим, что лишь Н.С. Конюшков упомянул в своих неопубликованных воспоминаниях об увольнении из ВНИИ кормов в 1937 г. «за пособничество вредителям» другого крупного учёного-лугововеда — И.В. Ларина (АРАН. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–24). Совсем недавно были обнаружены документы, которые это подтвердили (Голуб, Пастушенко, 2015).

¹² Архив ВНИИ кормов. Оп. 4. Д. 625. Л. 20; Оп. 4. Д. 273. Л. 1; Оп. 4. Д. 1427. Л. 198 (Личные дела Р.А. Еленевского, А.Я. Бронзова и Д.П. Мещерякова).

¹³ Личное дело И.В. Ларина (Архив ВНИИ кормов. Оп. 4. Д. 1209. Л. 90).

¹⁴ Совещание по инвентаризации кормовых угодий. Стенограмма (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–377).

Г.П. Жудова, Н.В. Куксин, Е.М. Лавренко, И.В. Ларин, В.Б. Самбук, С.С. Смелов, В.Б. Сочава, И.И. Спрыгин, А.А. Уранов, А.П. Шенников, А.А. Юнатов (Трегубенко)¹⁵. Не все они являлись в то время известными учёными, и не каждый из них принял участие в инвентаризации. Но надо отдать должное тому, что проект достаточно широко обсуждался.

Из стенограммы видно, что главным экспертом на совещании был Л.Г.: он чаще всех выступал, разъясняя программу и методику работы. Многие бравшие слово высказывали мнение, что предложенный проект, особенно задачи, касающиеся составления карт, неосуществимы в отведённое время при имеющихся силах. Наиболее серьёзные критические замечания делал И.В. Ларин.

К концу весны 1932 г. и в Наркомземе стало ясно, что принятая программа невыполнима. 31 мая состоялось заседание, на котором Л.Г. Раменский отсутствовал. ВНИИ кормов представлял И.В. Ларин, который со следующего дня официально становился заведующим отделом сенокосов и пастбищ ВНИИ кормов¹⁶. Было принято постановление об упрощении работ по инвентаризации. Вот некоторые выдержки из него¹⁷:

<...> надлежит работу по инвентаризации проводить на основе использования имеющихся данных почвенных, ботанических и мелиоративных (культуртехнических) обследований, материалов, землеустроительных (съёмка и прочее), агроэкономических и других. При этом особое внимание обратить на материалы обследований, проведенных на совхозных фондах.

Полевые работы, в частности обследование кормовых угодий в натуре, сократить до возможного минимума.

<...>

Считать возможным не производить формирования территориальных полевых групп, а по мере надобности, для получения материалов с периферии, для собирания дополнительных сведений (главным образом по производительности угодий), согласования важнейших вопросов в районах, проверки спорных границ залегания массивов тех или иных типов угодий и т.д. направлять в те или иные пункты территории группы специалистов или отдельных работников. Задачу посещения обследовательским персоналом обязательно каждого административного района при этом себе не ставить.

В основу определения соотношений площадей угодий различных типов положить анализ «ключей», т.е. данных детальных обследований, проведенных на конкретных участках территории.

В качестве таких ключей использовать, прежде всего, материалы по совхозным фондам.

Был резко сокращён объём картографических работ.

¹⁵ Регистрация делегатов совещания по инвентаризации естественных комовых угодий при секторе Земфондов Наркомзема СССР (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 192. Л. 8–12). Из стенограммы и списка зарегистрированных делегатов можно было выявить, что из представителей Наркомзема на нем приняли участие: руководитель плановой группы сектора кормов Н.К. Наумов, специалист кормового сектора Г.В. Крылов, Анашин, Назаров. Должности и инициалы двух последних лиц установить не удалось.

¹⁶ Личное дело И.В. Ларина. Заявление о приеме на работу (Архив ВНИИ кормов. Оп. 4. Д. 1209. Л. 84).

¹⁷ Протокол технического совещания при Центральной Комиссии по инвентаризации естественных луговых и пастбищных угодий Наркомзема СССР 31 мая 1932 г. (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 192. Л. 69–71).

Нужно обратить внимание на рекомендацию, заключающуюся в выборе территории совхозов в качестве «ключей» (ключевых участков)¹⁸. Для этих хозяйств существовали проекты землеустройства. Но они характеризовали чисто землеустроительные показатели, а именно: площади, занятые пашней, сенокосами, пастбищами, лесами, водоёмами, но никак не типологический состав кормовых угодий. То есть используя эти данные для экстраполяции с целью характеристики сенокосов и пастбищ какого-либо района, «выжать» информации из этих «ключей» можно было немного.

Следует также подчеркнуть, что на инвентаризацию природных кормовых угодий СССР никаких дополнительных дотаций из госбюджета страны выделено не было. Выполнять её предполагалось из текущих средств Наркомзема. Показателем командного стиля организации работы может служить письмо¹⁹, разосланное 3 июня 1932 г.

Спешной почтой.

Некоторые земорганы, вместо срочного выполнения директивы НКЗ СССР (и РСФСР) о проведении инвентаризации естественных луговых и пастбищных угодий и выделения необходимых для этого средств, оставили без исполнения в течение полутора месяцев указанное возложенное на них задание и предъявляя требования о специальных ассигнованиях.

НКЗ СССР разъясняет, что местам надлежит выполнить инвентаризацию за счет общих ассигнований на с.х. мероприятия по республиканскому и местному бюджету и предлагает Земорганам (Областным, Крайземуправлениям, НКЗемам Республик) немедленно изыскать необходимые средства в пределах своих смет в возмещении соответствующей части затрат, согласно п. 10 постанов. НКЗ СССР от 13 апреля 1932 г. (пост. № 23).

Зам. Наркома Земледелия Союза СССР /Конар/²⁰

Кроме ВНИИ кормов, самыми сильными коллективами, подчинёнными Наркомзему, которые были привлечены к инвентаризации, являлись отделения Госземтреста²¹. Работники, не входившие в ведомство Наркомзема, финансировались по месту основной работы.

Наркомзем Украины 28 мая 1932 г., когда страшный голод уже охватил республику (Ивницкий, 2009), постановил оплачивать инвентаризацию природных кормовых угодий

¹⁸ «Ключевой участок» в различных видах изучения ландшафта — это типичная для какого-либо района ограниченная территория. Её характеристики считаются репрезентативными для района в целом и экстраполируются на всю его площадь. Для выбора мест размещения ключевых участков в научных исследованиях проводят предварительно районирование территории.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 196. Л. 243.

²⁰ Конар Фёдор Михайлович (1895–1933) — активный деятель революционного движения на Украине в 1917–1920 гг. С декабря 1920 г. на различных должностях в Москве. Арестован в январе 1933 г. по обвинению в руководстве «контрреволюционной организацией вредителей» в системе Наркомата земледелия и Наркомата совхозов, на которые возлагалась вина за провал хлебозаготовок и голод в стране. Расстрелян через два месяца вместе с 35 служащими этих наркоматов. Реабилитирован в 1957 г.

²¹ Госземтрест — производственная землеустроительная организация, имевшая сеть отделений на территории СССР. В их штате были и почвоведы, и геоботаники. Впоследствии отделения Госземтреста были преобразованы в систему институтов «Гипрозем». С переходом на рыночные отношения в России они стали самостоятельными акционерными обществами.

дий из фонда Управления землеустройства с последующим взысканием потраченных денег с землепользователей (совхозов, колхозов и единоличников)²².

В июле 1932 г. стало очевидно, что и упрощенная программа работ по инвентаризации естественных кормовых угодий не может быть реализована к февралю 1933 г. Председатель Центральной комиссии обратился к Народному комиссару земледелия А.И. Муралову²³ с докладной запиской о её продлении до конца 1933 г. Это предложение было принято²⁴. Но в действительности обобщение материалов инвентаризации во ВНИИ кормов было закончено лишь в 1935 г.

При тяжёлой ситуации в СССР, связанной с голодом, унесшим миллионы человеческих жизней, к работе по инвентаризации удалось привлечь несколько сотен геоботаников, агрономов, землеустроителей и других специалистов (Раменский, 1937а). Наркомзем СССР временно передал из своего штата 12 единиц ВНИИ кормов, где была сосредоточена обработка материалов (Агабабян и др., 1933).

Принципиальный вопрос, который надо было решить, начиная инвентаризацию, — это дать определение низшей единице классификации естественных сенокосов и пастбищ. В кругах луговедов такой единицей считается тип кормового угодья. Первое указание, какие угодья следует относить к одному типу, мы нашли в тезисах по организации проведения инвентаризации, подготовленных ВНИИ кормов для Наркомзема осенью 1931 г.: «К одному типу относят территории, сходные в отношении происхождения, природных условий (климат, залегание в ландшафте, увлажнение, почвы, растительные группировки)»²⁵. Однако в январе 1932 г., на упомянутом выше совещании геоботаников-луговедов, Л.Г. давал определение, в котором отсутствовали слова о сходстве растительности у этой типологической единицы. Для многих это было непонятно, и Л.Г. попросили сделать разъяснение на конкретном примере. Он ответил:

Для меня легче всего привести пример из черноземной полосы. Я несколько раз ссылаясь на подтеррасные местообитания, которые могут быть заняты ольшаником, крупными рослыми травами, или площадь может быть распахана и сформированы высокие гряды и на них может быть посажена капуста. Все это разные преобразования одного и того же типа²⁶.

Из приведённого высказывания ясно, что уже в начале работы над инвентаризацией сенокосов и пастбищ Л.Г. в своих умозаключениях вышел за рамки классификации только природных кормовых угодий, а имел в виду типологию земель в целом, включая сельскохозяйственные земли и лесные угодья. Эту производственную классификацию земель Л.Г. называл агротипологией (Раменский, 1935, с. 26).

²² Прохоров (ответственный инструктор Центральной комиссии по Украине и Крыму). Доклад о положении работ по инвентаризации естественных луговых и пастбищных угодий на Украине (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 194. Л. 24–31).

²³ Муралов Александр Иванович (1886–1938) — агрохимик, государственный и партийный деятель. Нарком земледелия РСФСР (1930–1933 гг.), президент ВАСХНИЛ (1935–1937 гг.). Расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1956 г. (<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=11429>)

²⁴ Степанов Н. Докладная записка (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 196. Л. 38–41).

²⁵ Тезисы по вопросам общей инвентаризации естественных кормовых угодий (РГАЭ. Ф. 32. Оп 1. Д. 173. Л. 64).

²⁶ РГАЭ. Ф. 32. Оп 1. Д. 193. Л. 12–13.

Как считал Л.Г., «к одному агротипу относятся территории, сходно реагирующие на одинаковые виды и режимы использования, на одни и те же агротехнические и мелиоративные мероприятия (при их длительном воздействии на тип)» (Раменский, 1935, с. 28). «Тип земли», по Раменскому, в природе представлен совокупностью разнообразных модификаций, возникающих, как правило, под воздействием человека. Модификации могут переходить друг в друга и возвращаться к исходному состоянию.

Становится понятным, что под типом Л.Г. подразумевал ландшафтную единицу, на которой без влияния человека существовала бы коренная растительность (климаксовая). В природе типологи кормовых угодий обычно имеют дело с модификациями типа, а конкретное растительное сообщество не является его неотъемлемым составляющим. Так, в таёжной зоне коренное сообщество сенокоса и пастбища, расположенное на плакоре, — хвойный лес. Раскорчёванный и распаханый, превращённый в пашню, этот участок даже без растительности остается тем же типом²⁷. Не разобравшись с модификациями типов, их сукцессионными связями между собой, трудно установить и сами типы. Если в лесной зоне ещё можно предположить, какова растительность на экотопах без влияния человека, то в степной и пустынной зонах — трудно. Так, степи в условиях заповедования, без воздействия выпаса, сенокосения и пожаров, покрываются фитоценозами с доминированием кустарников (Ткаченко, 2014). Отсюда возникают вопросы: какая коренная растительность в степной зоне: кустарниковая или травяная? Если травяная, то какая? Какой пастбищной нагрузке она соответствует?

Но вернемся к инвентаризации природных кормовых угодий. Просматривая инструктивные документы, касающиеся её проведения, и публикации Л.Г., мы искали и долго не находили чёткого ответа на вопрос: как разносили кормовые угодья гигантской территории по типам при отсутствии какой-либо предварительной её классификации? Наконец, мы обнаружили приложение к отчёту бригады ВНИИ кормов, выполнявшей работы по теме 4 «Природная и хозяйственная характеристика типов естественных кормовых угодий Союза ССР». Автор «приложения» — Л. Г. Раменский, и оно содержит разъяснение интересовавшего нас вопроса²⁸.

В начале работ по инвентаризации была построена многомерная решётка. Каждая ось её ординирована по какому-либо фактору внешней среды: увлажнение, переменность увлажнения, богатство-засоление почв, выраженность аллювиальности пойменных местообитаний, положение на рельефе и некоторые другие. Почти все факторы расчленялись на несколько градаций. Каждая градация имела свой индекс. Их комбинация в конечном итоге характеризовала тот или иной тип. Данные о естественных сенокосах и пастбищах из разных регионов страны раскладывали по клеткам упомянутой решетки. Такая методика классификации кормовых угодий упрощала сам сбор материала для неё. Не требовались какие-то сложные специальные исследования: надо было лишь грамотно заполнить формы, определяя ландшафтное положение участка и свойственные ему экологические условия, часть из которых индицировала растительность.

Точное число выделенных типов не подсчитано. По примерным оценкам Раменского, их было более тысячи. Для того чтобы оперировать типологией на уровне областей и республик, типы объединяли в топо-экологические группы. Для СССР их было установлено около 120. Топо-экологические группы были собраны в 43 учётные кате-

²⁷ Впервые такое свое понимание «типа природного кормового угодья» Л.Г. изложил ещё пятью годами ранее (Раменский, 1927).

²⁸ РГАЭ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 348. Л. 155–178.

гории, а последние — подчинены 19 классам. Позже сотрудники ВНИИ кормов увеличили число классов природных кормовых угодий СССР до 25, а учётных категорий, переименованных в подклассы, — до 98 (Цаценкин, 1974).

Хотя методика сбора материала для типологии кормовых угодий была относительно несложная, но все-таки для заполнения форм требовались знания в сфере ландшафтоведения, гидрологии, луговедения, пастбищного хозяйства и ботаники. Среди участников инвентаризации комплексом таких знаний владели немногие: либо ученики Л.Г. (рис. 1), либо квалифицированные луговеды и геоботаники, способные понять поставленные задачи. Со всей страны в Москву шли письма с просьбой прислать на помощь людей, разбирающихся в типологии. Сохранился любопытный документ, говорящий о нехватке таких специалистов. Это ответ начальника секретно-политического отдела ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю на просьбу Центральной комиссии по инвентаризации.

Командирование агронома Ржановского²⁹ (адм[инстративного] ссыльного) по указанному маршруту в вашем отношении за № 0170 для проведения инвентаризации естественной кормовой площади (т[ак] к[ак] в связи с дефицитом по специальности командировать больше некого) разрешаем. Предупредите Ржановского о точном соблюдении маршрута и обязательном возвращении в Иркутск к 1 ноября.

14/VIII/1932 г.³⁰

Рис. 1. Инвентаризаторы. 1932 г. Территория ВНИИ кормов. Слева направо: сидят — И.Г. Андреев, Л.Н. Соболев, неизвестный, А.А. Юнатов (Трегубенко), Т.А. Работнов; стоят — Ш.М. Агабабян, А.Н. Антипин, И.И. Поляков, Л.Г. Раменский.

Фото из личного архива внучки Т.А. Работнова — М.В. Работновой

²⁹ Ржановский Николай Васильевич (1886—1973) — заведующий отделом луговодства сельскохозяйственной опытной станции в Белогорке в середине 1920-х гг., затем — доцент Ленинградского сельскохозяйственного института. Арестован в 1930 г., приговорён к 4 годам ссылки в г. Иркутск. Подробнее о нем см.: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Re.html>.

³⁰ РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 196. Л. 253.

Отсутствие в стране подготовленных типологов и недостаток времени привели к тому, что во многих случаях для создания общесоюзной классификации природных кормовых угодий пришлось использовать не заполненные на местах по всем правилам формы, а литературные сведения и отчёты разных организаций. Полевые исследования, носившие маршрутный характер, осуществлялись в очень ограниченном объеме³¹.

Параллельно с типологией природных кормовых угодий проводилось их районирование. Страну поделили на 546 естественных кормовых районов. Для компактного их обзора сходные по своим показателям районы объединили в более крупные единицы — округа. Их было установлено 70. В описании районов и округов основное место занимает характеристика процентного соотношения различных типов естественных кормовых угодий. Даются краткие указания на необходимые мероприятия по рационализации использования и улучшению сенокосов и пастбищ района, сведения о возможности расширения площади этих угодий (Раменский, 1937а). В «Трудах инвентаризации...»³² на кальках помещены схематические карты каждого округа в масштабе 1: 5 000 000 с нанесёнными границами районов. Но если для типологии использованы хоть какие-то формы, характеризующие угодья, поступившие из разных районов страны, материалы собственных работ сотрудников ВНИИ кормов, то для районирования и описания природных условий выделенных районов привлекали в основном литературные сведения, которые существовали в начале 1930-х гг.

Из представлений Л.Г. о типах следует логический вывод, касающийся образования их названий: если для этого использовать виды растений или их группы, то они должны быть взяты из флористического списка коренных сообществ, а не из их модификаций. В противном случае это приведёт к путанице — так, тип может иметь много модификаций с разнообразными фитоценозами. Без установления флоры коренных сообществ и определённых договоренностей вводить в названия типов угодий виды растений или их агрегации нельзя. В то же время, в «Трудах инвентаризации...» можно найти упоминание типов и групп типов, в названиях которых фигурируют растения, явно не принадлежащие к коренным сообществам. Например, в лесной зоне были выделены такие типы и их группы, названные по доминирующим видам, как «свежие белоусники и разнотравно-злаковое мелкотравье на бедных почвах», «мелкоосоковые и пушицевые луга», «щучково-листяговые луга», «длительно пойменные влажные крупнозлаковые полевиочно-щучковые и мятlikово-овсяницевого луга»³³. Растительные сообщества с такими доминантами могли развиваться только на антропогенно измененных местообитаниях. В понимании Раменского, это была растительность модификаций типов. Такое противоречие между принципами типологии и названиями таксономических единиц связано с тем, что разобраться с типами и их модификациями Раменскому и его коллективу не удалось. Об этом Л.Г. прямо пишет, не скрывая причин:

³¹ Тезисы к докладу Института кормов об инвентаризации кормовых угодий СССР 7 июня 1933 г. (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 221. Л. 17).

³² Труды инвентаризации естественных сенокосных и пастбищных угодий Союза ССР (1932–1935 гг.) / Под ред. Л.Г. Раменского. Вып. 1–13. М., 1935. Рукопись. Хранится в библиотеке лаборатории геоботаники ВНИИ кормов.

³³ Там же. Вып. 4. Описание округов и районов естественной кормовой площади лесной зоны Европейской части СССР. С. 717.

Гораздо слабее проработаны типы, сотрудникам Института непосредственно неизвестными; некоторые разделы классификации и районы остались типологически почти неосвещенными, — за неимением сколько-нибудь вразумительных фактических материалов. Дефективность, неполнота, разрозненность, односторонность фактических материалов давала себя знать на всем протяжении работ, во всех разделах классификации: у всех почти авторов луга описываются в отрыве от материнских лесных группировок растительности и не дается развернутой картины их преобразования под влиянием долголетнего сенокосения и выпаса; почвы изучаются в отрыве от растительности, и наоборот (даже в комплексных, лучше сказать агрегатных экспедициях Всесоюзной Академии наук). В результате оказалось невозможно всесторонне осветить типы земель, как того требуют интересы кормодобывания: типы охарактеризованы преимущественно со стороны их растительного покрова, при том главным образом в их вполне развитом сенокосном и пастбищном состоянии. Поэтому разработанную Институтом кормов типологию нужно рассматривать как почин, как начало. Полная, законченная типология сенокосов и пастбищ СССР — дело всего коллектива почвоведов и геоботаников Советского Союза³⁴.

Поскольку Л.Г. видел, что квалифицированного коллектива почвоведов и геоботаников в ближайшие годы в СССР не появится, у него возникла мысль: попробовать обучить проведению типологии кормовых угодий и вообще сельскохозяйственных земель малограмотных колхозников. Такой опыт с колхозниками и школьниками проводился в течение 1935—1936 гг. и, по словам Л.Г., дал хороший результат (Раменский, 1937б). Однако мы предполагаем, что Л.Г. в этой оценке не был вполне искренним. Достаточно почитать отчет³⁵ об этом эксперименте, чтобы убедиться, что он свидетельствует скорее о курьезности этого опыта, чем о серьёзных достижениях в деле обучения колхозников методам типологии земель. Имея на самом деле не слишком оптимистичный результат, Л.Г. использовал этот опыт, выражаясь языком того времени, для демонстрации «развертывания научно-исследовательской работы в условиях колхозного производства»³⁶. Наверняка попутно с обучением колхозников Л.Г. осуществлял действительно нужные ему исследования.

К концу 1935 г. коллектив, которым руководил Л.Г., подготовил 13 томов (выпусков) «Трудов инвентаризации...», составил карту кормовых угодий СССР в масштабе 1 : 5 000 000. Два первых тома итогов инвентаризации, характеризующих в целом кормовые угодья Советского Союза, и карта были сданы в печать в издательство ВАСХНИЛ³⁷. Но они остались неопубликованными, а черновик карты, хранившийся во ВНИИ кормов, затерялся³⁸.

³⁴ Раменский Л.Г. 1935. Отчет Института кормов по теме 4. Сводка материалов инвентаризации кормовых угодий СССР. Приложение 1. Классификация естественных кормовых угодий СССР, принятая при сводке материалов инвентаризации и общие площади сенокосов и пастбищ СССР в подразделении на хозяйственные классы (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 348. Л. 155—174).

³⁵ Отчет бригады СОПС АН СССР под редакцией д-ра биологических наук Л.Г. Раменского. «Опыт детального и полудетального комплексного исследования и качественно-количественного учета земель силами колхозного актива и учащихся» (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 816. Л. 1—126).

³⁶ Более подробное рассмотрение этого эксперимента, с приведением выдержек из упомянутого отчета, было сделано ранее (Голуб, 2014).

³⁷ Раменский Л.Г., Черкасов. В.Н. Отчет Института кормов по теме 4. 1935. Сводка материалов инвентаризации кормовых угодий СССР (РГАЭ. Ф. 32. Оп. 2. Д. 348. Л. 142—154).

³⁸ Сообщение Светланы Ивановны Дмитриевой — сотрудницы ВНИИ кормов в 1969—1997 гг.

Создается впечатление, что Наркомзему СССР, когда обобщение материалов все-союзной инвентаризации завершилось, её результаты оказались уже не нужны. Потерю интереса к итогам инвентаризации можно объяснить хотя бы тем, что коллективизация и голод 1932–1933 гг. привели к значительному сокращению поголовья скота. Так, если данные о количестве сельскохозяйственных животных, приведённые в статистическом справочнике «Сельское хозяйство СССР» (1960), пересчитать в условные головы крупного рогатого скота, то его было: в 1928 г. — 111 млн, а в 1933–1934 гг. — 53–54 млн, то есть поголовье уменьшилось более чем в 2 раза³⁹. Запасы кормов на естественных сенокосах и пастбищах стали намного превышать потребности животноводства. Поэтому их учёт просто утратил смысл, поскольку они не являлись фактором, хоть каким-либо образом лимитирующим развитие этой отрасли сельского хозяйства. Кроме того, к 1935 г. большой авторитет у власти приобрел академик В.Р. Вильямс, который считал, что типология природных кормовых угодий вообще не нужна.

Автору не удалось найти каких-либо свидетельств о попытках Раменского опубликовать итоги общесоюзной инвентаризации. Возможно из-за того, что Л.Г. их и не предпринимал, сознавая «дефективность» исходного материала, положенного в её основу. Тем не менее за организацию работ по инвентаризации кормовых угодий СССР он в 1938 г. был награждён серебряной медалью на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке⁴⁰. Но, судя по всему, результатами инвентаризации до начала Второй мировой войны никто не воспользовался. По воспоминаниям И.А. Цаценкина⁴¹, пересказанных И.В. Савченко⁴², в послевоенные годы работники Госплана при определении объёмов работ по улучшению сенокосов и пастбищ приезжали во ВНИИ кормов для ознакомления с многотомной машинописью, поскольку только здесь она и сохранилась (рис. 2). Дополнительно И.В. Савченко сообщил, что материал инвентаризации с учётом новых реалий «был полностью использован» для районирования природных кормовых угодий СССР в 1970–1980 гг. в трудах сотрудников ВНИИ кормов⁴³. Таким образом, «заброшенные» Л.Г. «Труды инвентаризации...» спустя несколько десятилетий все-таки были опубликованы в серии статей преимущественно уже новым поколением работников ВНИИ кормов. Здесь и до нынешних дней их привлекают для характеристики природных кормовых угодий России (Косолапов и др., 2010).

В конце 1937 г. Л.Г. предложил начать новую инвентаризацию, теперь уже всех сельскохозяйственных земель СССР, с составлением крупномасштабных карт. При этом предлагалось широко использовать «колхозный актив», а в качестве методологической основы — накопленный во ВНИИ кормов опыт. С такими инициативами он выступил во ВНИИ кормов, Совете по изучению производительных сил (СОПС)⁴⁴, а также отправил записку соответствующего содержания в президиум Академии наук.

³⁹ Английский историк Р. Конквест (1988) считал, что сокращение поголовья скота в 1932–1933 гг. было еще более значительным, чем об этом можно судить по официальным источникам, опубликованным в СССР

⁴⁰ Архив ВНИИ кормов. Оп. 4. Д. 1908. Л. 62.

⁴¹ Цаценкин Иван Афанасьевич (1905–1973) — ученик Л.Г. Раменского, работал во ВНИИ кормов в 1930–1973 гг.

⁴² Савченко Иван Васильевич (род. 1942) — академик РАН, в 1967–1998 гг. — сотрудник лаборатории геоботаники ВНИИ кормов, заведовал ею в последние 10 лет.

⁴³ Из письма И.В. Савченко автору статьи (сентябрь 2013 г.).

⁴⁴ На свой доклад в СОПС Л.Г. пригласил президента АН СССР В.Л. Комарова (Ф. 277. Оп. 4. Д. 1230. Л. 29).

Последняя, по его мнению, должна была инициировать работу по инвентаризации земель. Приводим заключительные строки из этой записки.

Вопрос о проведении производственного учета земель ставится в 1938 г. перед Совнаркомом и Наркомземом СССР. Осенью должны быть предприняты первые шаги к организации этих работ; зимою должно быть созвано совещание, на котором будут представлены итоговые выводы из всех предшествующих работ и должны быть детально обсуждены вопросы организации и методики работ предстоящих; эти работы должны быть в полной мере развернуты к концу зимы 1938/1939 гг.⁴⁵

Тезисы одного из докладов⁴⁶, сделанного в 1937 г. во ВНИИ кормов на тему типологии и инвентаризации природных сенокосов и пастбищ, были отправлены дирекцией основателю этого института В.Р. Вильямсу. Отзыв⁴⁷ Вильямса был негативным. Суть его сводилась к тому, что Л.Г. ориентирует развитие социалистического хозяйства по экстенсивному пути. Основным источником кормов, считал Вильямс, должно быть полевое кормопроизводство. Природные кормовые угодья останутся «только в заповедниках и временно в горных альпийских хозяйствах». Что касается картирования этих угодий, то «не подлежит сомнению, что "типологические" карты будут еще более бесполезны, чем карты агрохимические». А расчёт на помощь колхозников в проведении этого картирования он считал абсолютно нереальным. Заканчивался отзыв фразой:

Поэтому я думаю, что работам по экологии, типологии и опытному делу в них не только не место во Всесоюзном Институте кормов и не в ВАСХНИЛ, на что претендует проф. Раменский, но что такие исследования должны быть прекращены, если не как вредные, то как совершенно бесполезные, отставшие от жизни на двадцать лет.

Такие жёсткие высказывания В.Р. Вильямса в 1937–1938 гг., находившегося в фаворе у большевиков, могли весьма плохо отразиться на судьбе Л.Г. Достаточно вспомнить научную полемику В.Р. Вильямса с Д.Н. Прянишниковым и его последователями. В годы Большого террора она трансформировалась в борьбу с «врагами народа». В результате этой «дискуссии» академик Н.М. Тулайков погиб в застенках НКВД, а научная школа академика Д.Н. Прянишникова понесла невосполнимые потери (Никонов, 1995; Алексеев, 2015).

Рис. 2. Труды инвентаризации естественных сенокосов и пастбищ СССР (1935), хранящиеся в библиотеке лаборатории геоботаники ВНИИ кормов. Фото автора, 2014 г.

⁴⁵ Тезисы доклада Л.Г. Раменского «К постановке производственного учета земель сельскохозяйственных угодий СССР» (АРАН. Ф. 582. Оп. 3. Д. 62. Л. 1–8).

⁴⁶ Тезисы доклада Л.Г. Раменского «Основные вопросы методологии учета земельных ресурсов» (АРАН. Ф. 582. Оп. 3. Д. 184. Л. 6–21).

⁴⁷ АРАН. Ф. 582. Оп. 3. Д. 19. Л. 1–5.

К счастью, как об этом свидетельствует письмо Л.Г., отправленное 27 января 1938 г. своему учителю и другу В.Л. Комарову, президенту АН СССР, этот отзыв не вызвал серьёзных осложнений:

Дорогой Владимир Леонтьевич, на днях я доставил вам материал по моему «недоразумению» с акад[емиком] Вильямсом. Сейчас дополнительно сообщаю, что дирекция Инст[итута] кормов не делает из отзыва Вильямса организационных выводов, т.е. не принимает его всерьёз⁴⁸.

Не вдаваясь во все аспекты мнения В.Р. Вильямса, высказанные в его отзыве, следует согласиться с ним в одном: Л.Г. с его наклонностями к теоретическим исследованиям было не место во ВНИИ кормов. Он это и сам прекрасно понимал⁴⁹. Сохранилось несколько писем В.Л. Комарову, отправленных в 1937 и в 1939 гг., в которых он просит устроить его на работу в системе Академии наук (Голуб, Николайчук, 2012). В 1944 г. с таким же ходатайством он обращался к академику Е.М. Лавренко, а в 1947 г. уговаривал его же содействовать в прохождении по конкурсу на должность заведующего кафедрой геоботаники в МГУ⁵⁰.

Нельзя не попытаться ответить на вопрос: зачем Л.Г. в 1931 г. ввязался в авантюрную затею с инвентаризацией, когда не было ни достаточных средств для её осуществления, ни исполнителей? В отличие от руководства Наркомзема, состоявшего преимущественно из бывших революционеров и красноармейцев, Л.Г. обладал профессиональными знаниями и мог бы предвидеть, что проект в существующих условиях невыполним. Причин, как нам кажется, несколько.

Во-первых, работа в институте кормов обязывала Л.Г. проводить исследования, имеющие хозяйственное значение. Во-вторых, в начале 1931 г. прошла «чистка» госаппарата, которую он чудом прошёл благополучно, являясь социально чуждым по происхождению элементом в рядах строителей социализма⁵¹. И ему нужно было доказывать, что он необходим как специалист этому обществу. Если задание взяться за большой проект всесоюзного масштаба было получено от начальства, то Л.Г. не мог от него отказаться. В-третьих, разваливалась вторая семья, где было трое маленьких детей. Все эти обстоятельства могли способствовать формированию стресса, который подталкивал на рискованные шаги, направленные на укрепление своего положения в социуме⁵². Авантюрным поступкам способствовал и общий стиль управления экономикой

⁴⁸ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1230. Л. 30.

⁴⁹ Из писем Л.Г. Раменского В.Л. Комарову 16.04.1939 г.: «И[нститут] К[ормов] — не моя линия, я для И[нститут] К[ормов] слишком теоретик, слишком общие вопросы решаю; нам не по пути» (АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1230. Л. 33); 14.06.1939 г.: «Я все более убеждаюсь в том, что мне следует переключиться из Инст[итута] Кормов на Академию: никак не чувствую себя агрономом, но упорно хочу перекинуть мост от природы к агрономии (это надо, В.Л., тут вообще большой разрыв)» (АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1230. Л. 31).

⁵⁰ СПФ АРАН Ф. 996. Оп. 5. Д. 379.

⁵¹ До революции Л.Г. был миллионером, его семье принадлежали доходные дома в центре Санкт-Петербурга (Голуб, 2013а, б).

⁵² Есть основания предполагать, что Л.Г. имел слабый тип нервной системы. В своей автобиографии, написанной в 1919 г., которая хранится в Государственном архиве Воронежской области (Ф. 408. Оп. 1. Д. 31. Л. 45–47), он указывает, что оставил в 1904 г. Горное училище по причине «нервной болезни». Ещё одно свидетельство — тяжёлая и длительная депрессия, поразившая Л.Г. в 1940 г. после смерти любимого человека (Голуб, 2015). О том, что эта трагедия

страны, осуществлявшийся в те годы большевиками, который характеризуется как «кавалерийская атака на капитал».

Совершенно неслучайно, по нашему мнению, в конце 1937 г. Л.Г. стал пропагандировать новый расширенный цикл инвентаризации, который был не более реалистичен по возможности своего выполнения, чем проведённый в 1932–1935 гг. После первых лет 1930-х годов каток репрессий в 1937 г. начал раскручиваться с новой силой, подминая и учёных ВНИИ кормов. Из института были изгнаны несколько сотрудников вместе с И.В. Лариным якобы за то, что они не «вскрыли вредительских установок по планированию животноводства»⁵³ руководством региона, в котором проводили свои исследования. Л.Г. Раменский, у которого социальное происхождение «улучшиться» не могло и который поэтому не мог вызывать доверие у власти, был в весьма хороших отношениях с И.В. Лариным (рис. 3). Так, они взаимно друг друга рекомендовали к присуждению докторских степеней без защиты диссертаций (Голуб, Пастушенко, 2015). Может быть, ожидание репрессий и вызванное этим тревожное состояние заставили Л.Г. вновь демонстрировать свою нужность обществу диктатуры пролетариата.

Хотя В.Л. Комаров не помог Л.Г. сменить место работы, но зато, как видно из существующего отчёта⁵⁴, СОПС выделил Л.Г. средства на продолжение эксперимента по обучению колхозников типологии земель в 1938 г. Вряд ли финансирование этого проекта обошлось без помощи В.Л. Комарова, который был председателем СОПС⁵⁵. Эти «исследования», как и инициатива новой инвентаризации, которая поддержки не получила, тоже имели ярко окрашенный демонстративный характер, доказывая полезность деятельности Л.Г. для советской власти и его участие в социалистических преобразованиях в деревне.

Как мы уже предположили, Л.Г. оказался у руля разработки типологии и инвентаризации природных кормовых угодий СССР лишь в силу сложившихся обстоятельств. Но вкладывая по необходимости силы на решение этих прикладных вопросов, он увлекся теоретическими аспектами работы, которой были заняты его мысли.

Одной из наиболее важных разработанных в процессе инвентаризации сенокосов и пастбищ концепций является типология земель, которая:

имеет своим предметом всестороннее изучение в производственной перспективе земель сельскохозяйственного и лесоводного значения. Топография, микроклимат, геологическая основа, почва, растительный покров, их динамика, элементы производственной характеристики

не позволяла Л.Г. длительное время продуктивно работать, он счёл даже уместным упомянуть в письме в Президиум АН СССР (АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 75. Л. 10).

⁵³ «Резолюция Общего собрания научных работников, рабочих и служащих Института кормов 31 октября 1937 г.» (Архив ВНИИ кормов. Оп. 4. Ед. хр. 1209. Л. 5–6).

⁵⁴ См. сноску 35.

⁵⁵ Не менее важна со стороны В.Л. Комарова была психологическая и моральная поддержка, в которой Л.Г. явно нуждался. Об этом можно судить по письмам В.Л. Комарову, в которых Л.Г. на протяжении многих лет нередко изливал ему свою душу (Голуб, Николайчук, 2012). К сожалению, ответы В.Л. Комарова, адресованные Л.Г., неизвестны. Но о том, что такая поддержка оказывалась, свидетельствует, например, согласие В.Л. Комарова стать ответственным редактором книги Л.Г. «Опыт рационализации комплексного почвенно-геоботанического исследования земель». Эта книга, возможно по причине начавшейся войны, так и не была опубликована. Её рукопись хранится в РГАЭ (Ф. 399. Оп. 3. Д. 35, 36).

и другие особенности территории рассматриваются типологией как взаимно сопряженные части единого природопроизводственного целого (Раменский, 1935, с. 26).

Без типологии земель сейчас не мыслится адаптивное растениеводство (Жученко, 2009).

Рис. 3. Л.Г. Раменский и И.В. Ларин на опытном участке ВНИИ кормов, 1935 г. АРАН. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 84 (11)

Итогом инвентаризации была производственная всесоюзная типология природных кормовых угодий, разработанная до уровня классов и подклассов, которую называли классификацией ВНИИ кормов. Она так и осталась в недоработанном виде: никто после Л.Г. Раменского не пытался в его понимании установить истинные типы угодий. То, что называли типами при классификации природных кормовых угодий, если судить по их названиям, в действительности в подавляющем большинстве случаев были лишь их модификациями. Например, в лесостепной зоне, в пойме р. Цны, выделялись такие типы, названные по преобладающим растениям, как двуклосточниковый и болотномятликовый (Дмитриева, Беляева, 1973), а в лесной зоне на плакорах — сизокелериево-мелкотравный, тонокополевиочно-мелкотравный, белоусовый и т.п. (Савченко и др., 1987). На самом деле в этих зонах на таких местоположениях в коренных сообществах произрастают леса. Несмотря на это несоответствие представлениям Л.Г., классификация ВНИИ кормов широко использовалась при характери-

стике сенокосов и пастбищ колхозов и совхозов в послевоенные годы, вплоть до распада СССР. Она являлась основой легенд карт природных кормовых угодий.

Что касается общегосударственной типологии земель, то её нет до сих пор. Организованная в 1930-е гг. инвентаризация природных кормовых угодий СССР (которая не могла обойтись без типологии) базировалась на идеологической установке построения социалистической экономики на плановой основе. Обратной стороной такого управления народным хозяйством явилось жёсткое планирование структуры сельскохозяйственных угодий. И это, как справедливо считает В.И. Кирюшин (2011), стало тормозом для развития общей типологии земель. При директивном централизованном управлении землепользованием было невозможно, да и не требовалось, обеспечить учёт природных условий каждого конкретного участка сельскохозяйственных угодий с целью экологического обоснования особенностей его эксплуатации. При переходе России к рыночной экономике интерес к типологии земель значительно возрос, появилось много публикаций, посвящённых разработкам её принципов. В них естественная растительность уже не является диагностическим признаком, и поэтому

не нужно ломать голову над решением вопроса о коренной растительности той или иной территории⁵⁶.

Инвентаризация кормовых угодий повернула Л.Г. к вопросам, связанным с ландшафтоведением. Собственно говоря, разработанные Раменским положения о типологии земель — это учение о типах земель на ландшафтно-географической основе. Вот как Раменский (1935, с. 31) увязывает между собой типологию земель и ландшафтоведение:

Предметом типологии является территория, земля. В этом отношении типология совпадает с учением о ландшафтах. Но учение о ландшафтах рассматривает территорию как закономерное явление, в историческом и географическом аспекте, между тем как для типологии земля является ресурсом сельскохозяйственного производства. Это проводит глубокую грань между типологией и ландшафтоведением — они изучают один предмет, но в совершенно разных плоскостях; в частности, для типологии характерно сосредоточение внимания на экологической и технической характеристике земель. Элементарные, однородные в природном отношении участки территории являются исходной единицей как типологии земель, так и ландшафтоведения. Генетически и в других отношениях однородные участки объединяются в обобщенные единицы ландшафтоведения — фации (эпифации).

Термин «фация», предложенный Л.Г., закрепился в ландшафтоведении как самая мелкая единица ландшафта. Одновременно «фация» по своему содержанию фактически ничем не отличается от понятия «биогеоценоз», которое несколько лет спустя предложил В.Н. Сукачев (Исаченко, 1971; Мильков, 1974, 1990).

Чрезвычайно продуктивным оказалось введение Л.Г. в геоморфологию представлений о модификациях типов земель, которые чаще всего образуются под влиянием человека. Здесь мы видим сходство воззрений Раменского с идеей Ф. Клементса⁵⁷, в которой утверждается существование в каждой природной зоне только одного устойчивого климаксового состояния растительного покрова с присущими ему экологическими условиями. Под воздействием различных причин в природе обычно представлены стадии сукцессионного ряда, конечной из которой является климаксовое сообщество. Но, в отличие от геоботаника Ф. Клементса, взгляды Раменского — это воззрения ландшафтоведа и биогеоценолога.

Благодаря Л.Г. в Советском Союзе сформировалось научное направление, изучающее синантропные модификации ландшафтов — антропогенное ландшафтоведение, исследующее изменения ландшафтов, причиной которых является хозяйственная деятельность человека (Мильков, 1977; Angelstam et al., 2013). Курс «Антропогенное ландшафтоведение» читается теперь на географических факультетах в университетах в странах бывшего СССР.

Формулируя определение понятия «тип земель», Л.Г. неоднократно подчёркивал, что для объединяемых в эту таксономическую единицу участков должна быть характерна одинаковая реакция на внешние воздействия, под которым подразумевались прежде всего агротехнические и мелиоративные мероприятия. В 1930-е гг. такое

⁵⁶ См., например, работы А.Н. Каштанова и Л.Л. Шишовой (1997), В.И. Кирюшина (2000), В.И. Кирюшина и А.Л. Иванова (2005), П.И. Крупкина (2007).

⁵⁷ Clements, 1916; см. также <http://www.slideshare.net/edinaldonelson/f-e-clements-1916-plant-succession>.

условие отнесения сельскохозяйственных и лесных угодий к одному типу выглядело довольно декларативным. Даже странно, что его не критиковали. Как можно было прогнозировать реакцию той или иной экосистемы, которыми являются пашня, луг, лес, на разнообразные внешние воздействия при той скудной информации о земельных угодьях и методах её анализа, которые имелись тогда в руках агрономов и лесников? Для этого следовало бы держать в голове результаты разнообразных манипуляций с конкретными экосистемами. Сделать удовлетворительный прогноз отклика той или иной из них на антропогенные воздействия могли лишь специалисты, умудрённые многолетним опытом и обладающие хорошей интуицией. В современных условиях ситуация меняется, и требования Л.Г. постепенно становятся всё более реалистичными. Использование большого багажа соответствующих информационно-справочных систем позволяет с помощью программных средств и компьютерной техники достигнуть значительных успехов в моделировании реакции различных угодий на внешние воздействия (Васенев и др., 2004; Кирюшин, 2011). Точность прогноза зависит от полноты информации, характеризующей как саму экосистему, так и особенности планируемого на нее воздействия.

Заканчивая статью, подчеркнём, что в период реализации проекта по инвентаризации природных кормовых угодий его цели не соответствовали реальным запросам сельского хозяйства, особенно когда поголовье скота катастрофически сократилось в годы коллективизации и существовал большой избыток запасов кормов на естественных сенокосах и пастбищах. К тому же этот советский «мегапроект» не был в должной мере поддержан ни финансированием, ни кадрами. По последней причине результаты инвентаризации по оценке, сделанной ее руководителем Л.Г. Раменским, характеризовали кормовые угодья весьма поверхностно, как предварительный «почин», который должен стать в перспективе делом «всего коллектива почвоведов и геоботаников Советского Союза».

Сама же концепция агротипологии была значительным шагом вперёд в направлении создания условий для экологически обоснованной эксплуатации земель. Но в 30-е годы, да и позже, в советский период, типология не охватила все сельскохозяйственные земли, остановившись на опытах её приложения лишь к природным кормовым угодьям. Одним из факторов, задержавших её распространение на другие типы угодий, явилось централизованное и директивное управление структурой землепользования в СССР.

Руководство Л.Г. Раменским инвентаризацией естественных сенокосов и пастбищ было следствием его работы во ВНИИ кормов, где он, будучи биологом, имеющим склонность к теоретическим исследованиям, был обязан заниматься прикладными вопросами. Эту деятельность в годы террора он ярко продемонстрировал, доказывая свою нужность как специалиста советскому обществу. Однако оказавшись волею судеб участником и организатором инвентаризации, Л.Г. Раменский разработал ряд теоретических концепций, связанных с хозяйственной типологией земель и ландшафтоведением, что способствовало значительному развитию этих наук. Причём в области общей типологии земель и их последующей инвентаризации его идеи настолько опередили свое время, что они на практике не реализованы в полной мере и до настоящего момента.

Автор выражает благодарность заместителю директора РГАЭ С.И. Дегтеву, работникам ВНИИ кормов И.А. Трофимову, А.А. Лавровой, Н.Ф. Пастушенко, Е.П. Яковлевой за помощь в сборе материалов для статьи, академикам РАН

И.В. Савченко и В.И. Кирюшину, профессору И.И. Васеневу, С.И. Дмитриевой — за консультации, А.А. Федотовой — за ценные советы, М.В. Работновой — за предоставленную фотографию.

Литература

- Агабабян Ш.М., Работнов Т.А., Ларин И.В.* Над чем работает институт кормов // Совесткая ботаника. 1933. № 6. С. 108–114.
- Алексеев П.В.* Власть. Философия. Наука. М.: Проспект, 2015. 448 с.
- Аноним.* Раменский Л.Г. Некролог. (От редакции) // Кормовая база. 1953. № 4. С. 62–63.
- Васенев И.И., Руднев Н.И., Хахулин В.Г.* Методика агроэкологической типизации земель в агроландшафте (информационно-справочные системы оценки их ресурсного потенциала и оптимизации базовых элементов систем земледелия). М.: Россельхозакадемия, 2004. 80 с.
- Голуб В.Б.* Штрихи к биографии Л.Г. Раменского (Дополнения и комментарии к письму В.П. Савича Т.А. Работнову) // Растительность России. 2013а. № 23. С. 104–114.
- Голуб В.Б.* Л.Г. Раменский. Факты биографии // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2013б. Т. 22. № 4. С. 210–214.
- Голуб В.Б.* Некоторые факты биографии Л.Г. Раменского (тридцатые годы) // Растительность России. 2014. № 25. С. 131–140.
- Голуб В.Б.* К биографии Л.Г. Раменского — Серафима Давидовна Рубашевская // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2015. Т. 24. № 2. С. 262–265.
- Голуб В.Б., Николайчук Л. Ф.* Эпистолярное наследие Л.Г. Раменского в личном архиве В.Л. Комарова // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2012. Т. 21. № 3. С. 175–187.
- Голуб В.Б., Пастушенко Н.Ф.* Тайны «Личного дела» профессора Ларина // Растительность России. 2015. № 26. С. 154–161.
- Дмитриева С.И., Беляева Н.В.* Растительность среднего течения реки Цны в районе Моршанской опытной станции // Бюллетень МОИП. Отд. биол. 1973. Т. 7. Вып. 4. С. 58–63.
- Жученко А.А.* Адаптивное растениеводство (эколого-генетические основы): теория и практика. Т. 2. М.: Агрорус, 2009. 1104 с.
- Исаченко А.Г.* Развитие географических идей. М.: Мысль, 1971. 416 с.
- Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР (Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная обл., Западная Сибирь, Урал). М.: Собрание, 2009. 288 с.
- Кашианов А.Н., Шишова Л.Л.* (Ред.). Ландшафтно-сельскохозяйственная типизация территории. Методическое пособие. М.: Россельхозакадемия, 1997. 110 с.
- Кирюшин В. И.* Экологизация земледелия и технологическая политика. М.: Изд-во МСХА, 2000. 473 с.
- Кирюшин В.И.* Теория адаптивно-ландшафтного земледелия и проектирование агроландшафтов. М.: КолосС, 2011. 443 с.
- Кирюшин В.И., Иванов А.Л.* Агроэкологическая оценка земель. Метод. рук. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. 784 с.
- Конквист Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd. 1988. 621 с.
- Косолапов В.М., Трофимов И.А., Трофимова Л.С., Яковлева Е.П.* Агроландшафты Поволжья. Районирование и управление. М.; Киров: Дом печати — Вятка, 2010. 336 с.
- Косолапов В.М., Трофимов И.А.* (Ред.). Всероссийский научно-исследовательский институт кормов имени В.Р. Вильямса на службе российской науке и практики. М.: Россельхозакадемия, 2014. 1031 с.

- Крупкин П.И.* Типизация земель — основа адаптивно-ландшафтных систем земледелия // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2007. № 5 (31). С. 22–29.
- Кутузова А.А., Савченко И.В.* Выдающийся естествоиспытатель // Кормопроизводство. 1984. № 8. С. 23–25.
- Милюков Ф.Н.* Л.Г. Раменский — основоположник учения о морфологии географического ландшафта // Известия АН СССР. Сер. географ. 1974. № 1. С. 141–145.
- Милюков Ф.Н.* Антропогенное ландшафтоведение, предмет изучения и современное состояние // Вопросы географии. Сб. 106. Влияние человека на ландшафт. М.: Мысль, 1977. С. 11–26.
- Милюков Ф.Н.* Общее землеведение. М.: Высшая школа, 1990. 335 с.
- Миркин Б.М., Наумова Л.Г.* Вклад теоретического наследия Л.Г. Раменского в современной науке о растительности (к 130-летию со дня рождения ученого) // Журнал общей биологии. 2015. Т. 76. № 3. С. 244–256.
- Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
- Лаппо Д.Д.* Честь и доблесть. Воронеж: Центр.-Чернозем. книжн. изд-во, 1980. 270 с.
- О темпах коллективизации и задачах укрепления колхозов // КПСС в резолюциях. 9-е изд. Т. 5. М.: Политиздат, 1984. С. 338.
- Работнов Т.А.* Л.Г. Раменский (Биографические данные, краткая характеристика научной деятельности) // Ботанический журнал. 1953. Т. 38. № 5. С. 773–788.
- Раменский Л.Г.* Придонские луга // Хозяйство на новых путях. 1927. № 9. С. 107–144.
- Раменский Л.Г.* О принципиальных установках, основных понятиях и терминах производственной типологии земель, геоботаники и экологии // Советская ботаника. 1935. № 4. С. 25–42.
- Раменский Л.Г.* Инвентаризация естественных сенокосов и пастбищ СССР и методические основы природно-производственной типологии земель // Труды ВАСХНИЛ. 1937а. Вып. XXI. Ч. 2. Вопросы кормодобывания. Итоги IV пленума секции животноводства. 15–18 янв. 1936 г. С. 11–36.
- Раменский Л.Г.* Методические предпосылки ответственной геоботанической работы и постановки геоботанических исследований силами колхозников, учителей, краеведов и других местных работников // Советская ботаника. 1937б. № 3. С. 10–20.
- Ткаченко В.С.* Детерминировано природой // Степной бюллетень. 2014. № 40. С. 5–7.
- Трофимов И.А.* Леонтий Григорьевич Раменский — выдающийся русский геоботаник, эколог, географ. К 115-летию со дня рождения // Проблемы региональной экологии. 2000. № 2. С. 113–119.
- Савченко И.В., Дмитриева С.И., Семенов Н.А. и др.* Методические указания по классификации сенокосов и пастбищ равнинных территорий Европейской части СССР. М.: ВАСХНИЛ, 1987. 149 с.
- Сельское хозяйство СССР. Статистический справочник. М.: Госстатиздат, 1960. 666 с.
- Флорова-Раменская В.М.* Раменский Л.Г. (материалы к биографии) // Труды МОИП. 1966. Т. 27. С. 9–16.
- Цаценкин И.А.* Геоботаническое изучение пастбищ и сенокосов СССР, их классификация / Андреев Н.Г. (ред.). Пастбища и сенокосы СССР. М.: Колос, 1974. С. 33–48.
- Angelstam P., Grodzynski M., Andersson K., Axelsson R., Elbakidze M., Khoroshev A., Kruhlov I., Naumov V.* Measurement, Collaborative Learning and Research for Sustainable Use of Ecosystem Services: Landscape Concepts and Europe as Laboratory // AMBIO. 2013. Vol. 42. P. 129–145.
- Clements F.E.* Plant succession; an analysis of the development of vegetation. Washington: Carnegie Institution of Washington. Publication. 1916. № 242. 512 p.
- Goodall D.W.* A century of vegetation science // Journal of Vegetation Science. 2014. Vol. 25. P. 913–916.

Leonty Ramensky: Typology and Inventory of Natural Forage lands of the USSR in the 1930s

VALENTIN B. GOLUB

Institute of Ecology of the Volga River Basin, Togliatti, Russia;
vbgolub2000@mail.ru

From 1932–1935 the inventory of forage lands of the USSR was led by Leonty G. Ramensky. His goal was to account for and typologically characterize the natural hayfields and pastures. However, neither the sufficient funding nor the necessary number of experts was provided to conduct the inventory. The inventory period coincided with the famine that embraced large parts of the country at that time. Therefore it was based mainly on data obtained from the literature and old reports of different organizations. The results of this work neither satisfied Ramensky himself, nor were used by the economic and planning agencies. These data were not needed since an abundance of forage on natural grasslands and pastures due to a catastrophic livestock reduction in a period of collectivization and famine created a situation in which stocks didn't limit the development of animal husbandry. But this project stimulated Ramensky in the development of several theoretical ideas, the most important of which was the concept of agrotypology. Typology of agricultural land during the Soviet period was narrowed to natural forage lands. One of the factors preventing its extension to the other types of land was the centralized and directive management of land-use.

Keywords: Leonty Ramensky, Vladimir Komaroff, Vasily Villiams, Institute of Forages, 1930s, Narkomzem.